

Евгения Хамуляк

Сказка про Мишку и Мурашку

12+

Евгения Ивановна Хамуляк

Сказка про мишку и мурашку

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63551348

SelfPub; 2020

Аннотация

Это былица про настоящую дружбу, а также про надежду, про крепкий характер и стойкость, про веру в себя и хорошее. Все эти понятия невозможно выразить словами, особенно, если ты обычный бурый мишка, который остался один. Но никого Бог не оставляет без внимания, только надо верить, что ты не просто так, а божий, а значит, все будет хорошо, раз Бог с тобой.

Евгения Хамуляк

Сказка про мишку и мурашку

Жил-был на свете один мишка. Обычный бурый мишка в обычном лесу. Как водится, и нечему тут удивляться, подстрелили охотники его мамку, и пришлось ему несладко. Долго он бегал по лесам, сначала ее, родимую, искал, потом понял, что нет его кормилицы, и стал искать пропитание. В лесу еды полно, в особенности летом, да только ее ж уметь собирать надо. Мамка-то все соберет или носом ткнет во вкусное. А тут сам.

Но ничего, пообвыкся: где вкусно пахнет, там и еда. Пару раз, правда, плохо очень было по неведению, но тоже не смертельно. Покрутило-покрутило да отпустило.

Где другими медведями пахло, те места обходил, а вообще старался не высовываться: поест ягод, поест корешков да травок, и в норку. Облюбовал он одну норку, жил в ней до него кто-то, запах не медвежий, но по росту кто-то большой. Главное, места хватало и страшно не было. Жил и жил, не хорошо и не плохо; мишки, они же такие – живут и живут, ну и ладно.

Только однажды беда случилась. Лежал мишка у себя, ле-

жал, никого не трогал, и вдруг в нос сильный запах чужой! Запах такой он уже встречал раньше, да стороной обходил, от греха подальше. Станный запах. А тут прямо в нос! Как будто лапой по морде! Затаился мишка, а запах часа два не исчезал, стоял перед норкой; потом вроде сошел на нет да и совсем пропал. Пришла, видно, ему пора уходить с облюбованного места. Думал-думал он и решил: завтра уйду.

На следующий день уж и забыл мишка про зверя, а тот опять пришел, да опять запах резкий в нос, но уже не так страшно. Непонятно, в общем. И рад бы убежать, да запах этот встал перед входом в норку и не уходит. Правда, и в бой не рвется, ждет чего-то.

Мишка думал-думал, может, на задние лапы встать? Если лиса какая – испугается, убежит. С другой стороны, если зверь покрупнее, увидит его – порвет на тряпочки. Но почему тот не двигается? В общем, решил мишка, если жив останется, бежать из этих мест и скитаться, как в прежние времена. Однако запах постоял-постоял и опять исчез. То ли зверь, то ли еще кто какие-то игры в прятки с ним затеял.

Мишка умный был, не зря он сам сообразил, что малинку кушать можно, а те ягоды, что в три листика растут, не надо, от них потом все нутро жжет. Вот и сейчас решил он ночку не в норке переночевать, а рядом за бугром, да и денек, на всякий случай, посидеть там, покараулить. Специально загодя побольше листиков наелся, чтоб подольше в дозоре высиживать.

И вот утречком пришел-таки зверь. Лысый весь, розовый, размером с мишку, весь в лохмотьях красных, цветом малинки, четыре лапы, два глаза, морда страшная, хуже волка. Подошло чудовище к норке-то и вдруг – брык!!! – свалилось замертво. Ой, нехорошо. Знал мишка, что некоторые мертвые звери вовсе и не мертвые, специально они так в ловушку заманивают несмышленных медведей, чтоб те ближе подошли, а потом хватить их!

Тихонечко, потом ползком, потом ветерком пробежал мишка мимо – лежит, не шелохнется. Еще кружок сделал вокруг – лежит. Ну, ладно, была не была, встал на дыбы, на бой вызывая. Не такое уж оно и большое, это животное, да еще, видать, и раненое, авось победим! Только не поднялось оно, как лежало в своих лохмотьях, так и осталось мертвяком.

Подошел мишка к нему, принюхался. Странно все это было. Запах-то не такой уж и противный оказался, как сначала в нос ударял. Это, наверное, по первости так вышло. Всегда оно так, сначала все плохим кажется. Сильный-то он сильный, но не страшный, даже приятный. Издалека слышны были нотки его любимой малинки, медка чуток, одуванчиками и васильками пахло. Неплохой запах был, не злой, главное – он это сразу почувствовал. Такие звери медведей не едят. Потом еще что-то уловил мишка, какой-то знакомый запах, как будто мамкой пахло, молочком, но не совсем. Хотел еще принюхаться, а чудовище вдруг прыг – как вскочит, и наутек.

Мишка так испугался, что даже не успел убежать. Так и

стоял. И страшно, аж зуб на зуб не попадает! Одно ясно: животное его само напугалось. И вот еще что: с того момента почувствовал он странное, внутри щекотка появилась, ну, словно бежишь по лесу, а травка щекочет пузо, смешно становится. Так и здесь, только не пузо, а нутро; любопытство появилось в мишке. И решил он повременить место жительства менять, побежал быстрее на болото, побольше полакомиться ягодами разными да завтра подождать. Пока бежал, щекотки все больше становилось, она прямо общекотала его всего. Ой-ей-ей!

Не думал не гадал, а пришло чудовище; пришло, остановилось у норки и опять брык – и лежит мертвечиной.

И на следующий день пришло, и опять брык!

Ничего мишка не понимал, только подходил и нюхал.

Чудовище оказалось такое интересное, пахло каждый день по-разному и приходило разным: то синее, как васильки, заявится, то как малинка, то одуванчиками прикинется, то опять малинкой. А потом раз или два как травка-щекотка. А когда дождь капает, как кора дубовая приходит, но пахнет все так же: мамкой и медом с малинкой. Понял мишка, это животное с ним так общается. А он же неграмотный, мамку убили больно рано, не успела она рассказать ему про таких животных да про то, как с ними разговоры разговаривать, вот он, несмышленный, и не знает, как ответ правильно давать.

Пытался мишка по-медвежьи разговаривать, да все впу-

стую. Бегал даже смотрел, как зайцы и лисы общаются, и так пытался заговорить, и эдак, все равно непонятно. То малинкой, то васильками, то корой, то травкой. Вот поди разбери!

Жизнь у мишки пошла интересная.

Решил он однажды пойти за животным, когда тот после лежки своей проснется. Ага, пошел. Ой, куда привел его! Везде много запаха этого, прямо в глазах потемнело, и пахнет всем подряд – аж замутило. И главное, не понял мишка, чего оно хотело от него. За ним последовать? Но туда щекотка идти запрещала. Шаг сделает – щекотка пропадает, страшно становится. Решил мишка: дружба – дружбой, а чутье важнее. Нельзя ему туда.

Сядет он у конца леса, провожает взглядом друга своего новоиспеченного. Тот ныр в какую-то дырку; норка вроде, только вверх растет, как муравейники, которыми мишка очень любил полакомиться. Смешно!

Однажды так вот провожал, а из той норки вышли двое других, только выше и еще страшнее, чем дружок, и как стали они реветь – шерсть у мишки дыбом встала, еле улизал ее потом назад. И почувствовал, что другу его от рева этого нехорошо, вместо меда с молоком соленым стал пахнуть, видать, помощь нужна.

Ой, что делать?! Побежал мишка в свою норку и давай туда-сюда метаться. Ой, друзья ли они вообще, ведь хвостиками не виляли, даже глаза в глаза друг другу не смотрели. А как спасти? А кто он против тех двоих? Ой, что делать –

не знает! Решил спасать. Побежал назад, а друга нет, и двоих тех нет, порвали дружка! Да вроде кровью не пахнет... Ой, что делать?

Ждал всю ночь, до утра еле дожил. Потом смотрит: идет друг, живой, малинкой одетый. Все хорошо. Видать, он-то не из слабеньких. Даже приятно стало. Друг – он ведь один, такой, какой есть, его не поменяешь.

Пока лежал дружок в спячке своей каждодневной, побежал мишка к сосне одной: давно он заприметил там пчел, большой они улей построили, да все не решался залезть. Считал, рановато ему с пчелами ловчить. А тут что думать?! Друг живой вернулся да с победой.

Ой, сам не помнил, как залез да всех пчел распугал, да только приволок пол-улья, бросил у лап друга – и опять за бугорок. Тут и он проснулся, смотрит: улей с медом; помялся-помялся вокруг, наверное, мишку искал, благодарить в ответ. А потом зачем-то лапами листиков нарвал, улей туда положил, да и опять побрел туда, где двое ревучих жили.

Мишка, само собой, за ним. Как к муравейнику подходить, опять двое вышли, все-таки не убил их друг, ну да ладно. Только когда подходить стал, слышит – рева нет, по-другому запели те двое, уже не так гадостно. Ага, понятно, и то ладно.

На следующий день приволок мишка большущий куст малинки. Так устал, что сам чуть не заревел.

На другой день еще один вырыл.

Хорошая эта дружба была, спокойная, каждый день друг навещал, и мишка в норке своей остался жить, тот разрешил. У него другая норка есть, зачем ему мишкина?

Так и жили. Приспособились друг к дружке; придет друг-то, полежит-полежит, встанет, уйдет. Мишка больно уж любил тоже с ним отдыхать, ляжет рядом и прикорнет; мамкой пахнет и чем-то добрым, ласковым, забытым. Потом как просыпаться другу, мишка спрячется, помнил он, не любит тот спросонья невесть кого встречать.

Грибы уже пошли, коренья разные; иной раз мишке было приятно подарочек для друга оставить. И тот его никогда не обижал, всегда гостинцы брал.

Заметил еще мишка-то, что, как гостинец припасет для друга, двое ревучих молчат; как не заготовит, пустым друг возвращается, – орут как лоси. Непонятная жизнь была у этого друга, но, видать, тоже не сладкая, почти как у мишки. Получается, друзья-товарищи они по судьбе-горемыке.

Вот уж и грибы сошли, друг подрос заметно, да и мишка окреп.

Лежали так вот однажды, мишку солнышко осеннее последнее пригрело, тоже уже хотел покемарить, как вдруг смотрит – букашка-таракашка в ухо дружку ползет. Ох и плохая это была букашка! Мишка своих вычесывал как мог, а тот-то спит, не слышит. А она знай себе лезет вперед, не останавливается. И уши у друга – одно название: лысые, розовые, туда и лягушка запрыгнуть может, не то что таракаш-

ка.

Эх, делать надо что-то! Полез мишка ее вычесывать, прогонять, чтоб худа не было. Чесал-чесал – раздавил вредителя, да только, видать, усердно чесал, кровь потекла. Стал рану зализывать: нельзя, чтоб кровоточило, раненый зверь для других – легкая нажива, это каждый в лесу знает.

Как другу вставать, мишка ушел, но решил проводить его до норки, мало ли что? Проводил, как водится, до конца леса; вышли двое и такой рев устроили, ой-ей-ей. И кричали, и ревели, и лапами махали.

Ну да ладно, кто их поймет.

Только не пришел дружок на следующий день. И на другой не пришел. У мишки весь аппетит пропал: что стряслось, что случилось? Ведь сам видел: раздавил он таракашку ту пакостную, не случилось беды-то. Вот напасть...

Каждый день ждал он друга, даже ночевать стал у края леса. Гостинцев припас, орехов, кореньев.

Много времени прошло, но пришел однажды друг. У мишки гора с плеч! Тот, как и прежде, упал, мишка сразу к нему, прямо слезы брызнули из глаз: где ж ты был? что с тобой стало? чем помочь тебе? Один ведь ты у меня такой... Все гостинцы оставил рядом. Тот, как обычно, поспал малость, потом встал, отобрал, что годится, и домой засобирался, в муравейник.

Стал друг опять приходиться, правда, уже не малинкой одетый, не травкой, а все больше корой осинки заявлялся. Хо-

лодать стало, видать, обычную шерстку поменял на зимнюю. Мишкам-то что – у них шкура так шкура, а у друга так, одно название.

Так и жили, старое не вспоминали. Только вот когда изморозь появилась, пришел дружок его сердечный, как водится, лег спать-то, проснулся, уйти ушел, а больше не возвращался. Долго мишка ждал, даже снег уже пошел порошистый, но друга все не было. Сначала мишка опять в смятение и страх впал – вдруг случилось что? – а потом дошло до него.

Друг-то поспать любит не зря, видать, в спячку впал он в своем муравейнике, в зимнюю уже. Успокоился мишка малость. К тому моменту научился он различать запахи в этом муравейнике. Пахло разным: вкусностями, дровами, молоком, огнем, дымом, травой сухой, но самое главное – среди этого всего, когда мишка закрывал глаза, он явственно чувствовал: другом пахнет. Запах был тонкий-тонкий, как дружок его, тростиночка, но живой-живой. Долго он ходил на муравейники смотреть, друга ждать, уже и снега навалило по самую морду, а того не было видно; скучал мишка очень, да видать, сердце и к этому приучается. Пора было и самому в спячку впадать. Норка мишке в самую пору была для зимовки, вот однажды и заснул он крепким сном.

Началась зима. Зима-метелица, зима-матушка, зима-стужа.

Мишка про зиму многое знал, в основном из снов. Все белое-белое, как молоко, теплое-теплое, как молоко, слад-

кое-сладкое, как молоко. Еще друг снился, как они вместе по полям скачут, улы ищут, вдвоем-то веселее и сподручнее от пчел убегать. Еще к речке бегают: воду лакать да играть.

Почти все сны у мишки сладкие были, только однажды приснилось, что друг его застрял где-то и выбраться не может; зовет он его на помощь, а мишка-дурачок не понимает, что делать, как беду отвести, аж завыл во сне. Но ничего, и это прошло, на то они и сны.

Прошла зима. Однажды мишка это явственно понял, когда в животе заурчало, как ручеек.

В животе-то и правда заурчало, но, оказывается, и ручеек рядом был. Ох, как приятно было после зимы напиться! Хотел весь ручеек выпить, такая жажда была. Бегом побежал к лесу смотреть, что там друг-то. Оказалось, муравейник на месте, кой-какие новые запахи прибавились, от сильного голода мишка их сразу же почуял и определил; но самое главное, зачем прибежал, – здесь друг, на прежнем месте. Это он даже не по запаху – чутьем понял. Опять щекотка защекотала. Жив его дружок, в порядке все.

Побежал мишка пропитания искать, а то после зимовки когти да зубы одни остались. Несколько дней где-то бегал, рыскал. Много запахов новых стало: медвежьих, волчьих, лисьих, заячьих... Рядом речка текла. Однажды мишка мимо пробежал к болоту, глядь, а там большой медведь-увалень сидит и лапами в воде сучит. Стал подглядывать, что за игра такая. Оказалось, увалень рыбу тащит, да так ловко, и в рот

сразу кладет. Ах, вон оно что, медведи и рыбу едят, вот оно как. Увидеть увидел, в уме отложил – и бегом оттуда; нечего на глаза попадаться громадинам всяким. Потом как-нибудь попробует сам рыбу ловить.

Солнышко посильнее разгорелось, и однажды пришел друг. К норке подошел, где мишка зиму зимовал, и опять брык! Ох, и до чего же он подрос, большой стал, высокий, худой, правда, видать, после зимовки еще не отъелся, но медом еще слаще стал пахнуть. Только он брыкнулся – мишка к нему, всего обнюхал. Ох, и много ему этот запах рассказал: и про болезни, и про голод, и про то и про это, всего не перескажешь; кое-что мишка понял, кое-что – нет, от радости запах голову вскружил, родной ему друг был, как брат родной, как мамка, как лес.

Жили они с тех пор опять дружно. Мишка вечером бегал, ночью спал, утром друга ждал, и так день за днем. Кое-когда гостинцы приносил; дружок его никогда не обижал – всегда все брал и на следующий день снова приходил, как завелось.

Знал мишка: есть теперь у него на свете настоящий друг, есть ради кого жить, есть на кого положиться.

Но, видать, горе тоже не любит одиночества, тоже ищет, с кем повстречаться да породниться.

Уже время грибов настало, и начала на душе у мишки щекотка щекотать, только не как обычно, а тревожно, а все потому, что увалень с речки повадился в здешние края захаживать. Видел как-то мишка, что с весны увалень тот еще

подрос. И не мог мишка слова такого подобрать, чтобы описать этого медведя. Как пень, нет, как три пня, да с корнями, да с ветками, вот как он вымахал!

В общем, стала щекотка кости щекотать, стал он плохо спать. Запахи того пня-медведя зигзагами начали виться возле мишкиной норки, зигзаги – в круги сворачиваться, щекотка уже не щекотала, а почти до крови чесала.

И вот однажды, как водится, ждал мишка друга своего за-кадычного, ждал и не дождался.

Ага, началось. Стремглав побежал к муравейнику, а по дороге слышит жуткий запах: на охоту тот пень вышел, да где? На мишкиной территории! Да на кого? На друга его! Что его дружок, тоненький, как листик малинки, супротив такого пня? Былинка! Ой, беда! И мишка ведь еще совсем не медведь, так, сбоку припеку, молоко на губах не обсохло, медвежонок. Рано такому в бои вступать. Только ведь друг есть друг, разве предашь? Шкуру свою в кровь сдерешь, а не предашь. Вот и мишка уверен: случись у него какая беда, друг бы его никогда не оставил.

Побежал он, и решение его по дороге все крепче становилось. Смотрит, стоит его дружок, к березке прижался, глаза распахнутые, страх в них. А пню тому, громадине, только того и надо. Хуже то, что время спячки друга пришло. И вправду, минуты не прошло, как брык – и свалился дружок. Пень-медведь тоже такого оборота не ожидал: на тебе, добыча сама померла, рвать не надо. И хоть медведи мертвечины

не едят, а в добрых краях они и вовсе живых не едят, окромя рыбы какой, но этот пень вымахал не зря, мало ему малины-ягоды стало, возомнил он себя царем леса и на мясо повадился.

В общем, не поверил пень-медведь спячке, подошел, понюхал да носом как ткнул, да в сторону дружка как листочек липовый отбросил: вставай, мол! Не шелохнулся тот.

Мишка знал это, сколько раз сам его шкуру и лизал, и чесал – не просыпается. Крепко, видать, спячка одолевает породу эту. Закружилась голова у мишки, почувствовал он: если сейчас другу ничем не помочь, беда будет. И мертвого пень его съест. Хороша же спячка!

Что делать? Думал-думал, а ведь и думать времени нет. Решил мишка на чутье свое положиться, и будь что будет: куда щекотка понесет – туда и бежать. Как он прыгнул пню-громадине на спину! Ой! Любой олень бы позавидовал. И прыснул пень-репень в сторону от неожиданности!

Как начал мишка реветь – и не скажешь, что молодняк, словно настоящий зверюга. Да как встал на задние лапы без всякого предупреждения – первый и самый главный признак у медведей, что на бой вызывают.

Тот пень даже сел от неожиданности и мишкиной наглости, на то и расчет был. А потом как почесал мишка, воспользовался растерянностью врага. Да куда почесал – прямо к тем муравейникам, где друг его живет. Щекотка щекотала; как надо где прибавить – он бежал так, что кусты тряслись;

где убавить надо, хвостик свой врагу показать – мол, вот я маленький какой, да живой, вкусненький, не то что та мертвечина, беги за мною, – останавливался.

Пень-то-репень так разозлился: уже подбегая к муравейнику, ревел так, что любо-дорого смотреть и слушать было, как розовые собратья оттуда все повывалили, сами заревели, взяли палки с огнем трескучим да прямо на мишку да на пня-балбеса побежали с ревом страшным. Конечно, будь то другой медведь, сразу в лес бы обратно сунулся, но этот пень-громадина давно уже потерял медвежий нюх, сам себя царем-королем величал. Вот, когда уже терпеть сил больше не было и щекотка заклекотала внутри так, что пена изо рта пошла, мишка в сторону сиганул, подальше и от тех и от других. Да только они на него и не взглянули даже. До него ли, когда тут такое творится, когда такая зверюга из леса выбежала.

Ох, ну и мишка-топтыжка. Топ-топ бегом назад, как там друг?

Пока бежал, глядь, а тот как ни в чем не бывало назад идет, малинку-травинку по дороге рвет да в букетик собирает. Ой, ну вот и беда ушла. Затаился мишка в высокой траве, да от усталости и сам брык на бочок.

Много прошло времени, сам не помнил сколько, только встал мишка – и к краю леса; чем ближе подбегал, тем яснее чувствовал – не осталось на добром свете медведя злого, что друга его разделать хотел, одни рожки да ножки от зверюги

остались; теплой кровью везде веяло и кровь была густая, медвежья. Вот и беде конец! Вот какой мишка молодец!

Ох, камень с плеч, заживут теперь, как давеча жили, душа в душу.

Да только если бы да кабы. Не пришел друг сердечный больше на свидание, ни завтра не пришел, ни послезавтра; до самой зимы не приходил.

Мишка долго горевал, ясно он чувствовал родимого своего сотоварища, да собственно, каждый ясный день видел его у муравейника. Но не пускали к мишке сородичи больше, не доверяли, а его к другу щекотка ни в какую не пускала.

Страдал он очень, только горестные раздумья разными хлопотами разбавлялись, ведь медленно, но верно зима приближалась. Мишка чувствовал ее приход по осенним листьям, по замороженным ягодкам, по сухим веточкам, по пряному, чуть остывшему пыльному ветерку.

За последнее время мишка очень вырос, возмужал и каждый день бегал смотреть на муравейник, а потом опять в лес да на речку: надо было много жиру напасти, чтоб зиму пережить, не как в прошлый раз, когда он, неразумный, с голоду чуть не помер по весне. Норка ему маленькой совсем стала, невозможно ему было уместиться там, но и уходить нельзя было: придет друг его по весне тепленькой, придет, родимый, к месту старому, а мишка уйдет и не узнает об этом.

Придумал он лапами побольше выкопать земли из норки; целый день потратил, не бегал на речку и по грибы, и полу-

чилося у него настоящую берлогу вырыть. Вот какой молодец!

Но друга не было. Долго носом воздух втягивал мишка у края леса – пропал медовый запах из муравейника. Все запахи остались, кой-какие примешались, а медок ушел.

Одно только и знал, чутье ему говорило: жив друг. Держись, мишка, вернется он!

Так шли весны, с их капелями и ручьями переливчатыми; так шли осени дождливые с яркими листопадами. Мишка носом осенние листья вверх поднимал и следил, как они падают, дружка своего маленького вспоминал; все вспоминал и надеялся: наступит час – вернется друг.

Много воды утекло, временами тяжеловато одному было, но никуда он с места не уходил и чужих к себе не пускал, ждал.

Сам понял однажды мишка: вырос он; теперь, если сунется кто, так по морде схлопотать может – мало не покажется, если мишке не понравится что. Но он добрым был, просто так не обижал.

И вообще давно заметил: лес, он тоже добрый очень, все здесь разумно устроено: скажем, зима задержалась, птичке еды мало стало, так зато по весне комаров выведется целая туча, а все зачем? Чтобы всей семейке певучей хватило.

Или старый лось стонет, не может кору есть, не может за молодняком смотреть да быстро по лесу бежать, так волки сразу такого чувствуют, молодых да сильных не трогают, а этого

бедолагу пасут и кончают его быстрехонько; волкам серым ведь тоже кормиться надо, не без этого. Все по полочкам, все по ровну, все так устроено у леса было.

Мишку только никто не трогал: ни птичка, ни рыбка, ни белочка, ни другие медведи. Да и ему они на что были?!

Малинка-ягода, медок – вот и сладкий уголок! Ну и хорошо. У мишки свой друг есть, проверенный.

А все чаще бывало – сядет он у поля, засмотрится на луга, на душе зов появится, и вдруг как будто сзади кто-то пробежал, кустики растряс, на него взгляд кинул. Мишка обернется да следом ринется, след возьмет, воздух носом весь в себя вберет, глаза закроет и представляет, как друг его сердечный бежит к нему на встречу долгожданную. Иной раз друг его сквозь березки померещится, иной раз – мамка. Вдыхал-вдыхал, не пахнет ли медком или молочком. Долго звуки с запахами в себя вдыхал, долго их по ноточкам раскладывал. Этот васильковый, этот березовый, тот пшеничный; нет, не медовый...

Но подсказывало мишке чутье: движется ему навстречу что-то хорошее, что-то большое и доброе...

Видел он это и по облакам: утром встанет, на облачко взглянет – рыбкой облачко; на речку идет – улов большой его ждет... Другой раз встанет утречком, пчелкой облачко – пора на дерево лезть, медком подкрепиться... А тут птичка его сама разбудила: чирикать стала, да так заливисто; миш-

ка спугнуть ее боялся, не выходил из берлоги, так она сама, невеличка, к нему залетела, да что-то щебечет, щебечет чудесное...

Долго он один-одинешенек был, совсем одичал, видать; вот птичка и прилетела его навестить: не бойся, Миша, больше, не расстраивайся; все, Миша, хорошо с тобой будет. По-чирикала и улетела.

Сам не свой мишка стал: и малинка ему не сладкая, и черничка не пряная, и рыбки не хочется. Так весь день и прошатался как пень-репень без дела... Стал к берлоге своей подходить, как вдруг – али показалось? – медком запахло, да не простым, а тем самым! Тем самым, долгожданным! Бегом бежал, сердце тук-стук, вот-вот прорвется сквозь медвежью шкуру...

За миг прибежал, а там лежит... Глаза закрой – друг лежит; глаза открой – розовый муравей большой.

Приблизился мишка, глаза закрыл, чтоб не мешали. Ох, медок, ох, ромашки родные полевые, ох, травка придорожная, ох, молочко теплое парное... Много всякого, и родного и чужого, ему привиделось. Да оно и понятно, давно друга не было, носило его, родимого, где-то...

Только один запах мишке совсем уж новым и странным показался, так мамкой пахло. Или забыл он? Гнал его носом, назад выпускал, но тот привязался, хочешь не хочешь, на нос к нему уселся и сидит.

Открыл глаза мишка и лапой своей ласково провел по го-

лове друга. Лапа своя ему такой большой показалась, будто впервые он ее такую увидал. Глянул на шерстку дружка длинную пшеничную и на свою шерсть бурую нечесаную и не узнал ни себя, ни друга своего. Вот тебе и птичка нарикала...

Только что страдать-горевать-убиваться? Лег мишка рядом с дружком своим долгожданным да и заснул крепким сном, которого давно у него не было...

Сколько проспал – не помнил, да только, когда проснулся, увидел рядом медведя другого, точнее, и не медведя вовсе, а медведицу. Глаза закрыл – друг мерещится; глаза открыл – медведица сидит, на него спокойным взглядом смотрит... Сон, не сон? Опять закрыл глаза – друг сидит, открыл – глаза умные, терпеливые, добрые... Подумал мишка чуток, вдохнул воздух, посмотрел на облачка – да вроде нет опасности. А что гадать долго? Встали да пошли по лесу, ведь вечер уже, а еще столько дел надо сделать, у медведей ведь как: сиди не сиди, а зима не за горами...

За печкой вкусно-вкусно пахло пирожками с морковкой, свекольной стружкой сладенькой, яблоками с подливой из медка, супом из топора... или это из другой сказки?..

Все запахи за день соберутся, в одно облачко сольются и за печку спрячутся, чтобы деткам ночью слаще спалось после рассказов бабушкиных про добрую матушку-природу, про

чудеса ее чудесные да про то, как мишка бурый девочку-бедняжку повстречал... Засыпали детки, головки на подушки роняли, ноженек не чувствовали – так за день набегались. А денек сегодня хороший был, и папка так говорил: «Завтра лучше будет, спите...»

Новости губернии. В N-ской губернии пропала крестьянская девочка, больная падучей болезнью. Предположительно, причиной страшной трагедии стал медведь-людоед. Подобное имело место быть несколькими годами ранее.